

Василий Розанов

Суворин и Катков

Оригинал здесь: [Хронос](#).

В судьбах русской журналистики XIX века сыграли исключительную роль Катков и Суворин. Они не имели между собой ничего общего. И так, через контраст друг другу, они отсвечивают особенно ярко во взаимном сопоставлении.

Катков создал государственную печать в России и был руководителем газеты, которая, стоя и держась совершенно независимо от правительства, говорила от лица русского правительства в его идеале, в его умопостигаемом представлении. Министры менялись, министры чередовались. Наконец, министров было всегда несколько, и они находились скорее в соперничестве между собою, нежели в единении и согласии. Уже по этому одному они оттеняли "государственное служение" личным элементом; наконец, оттеняли это служение тем, что можно назвать "чиновничьим бытовым элементом", своеобразным в каждом министерстве, и, наконец, последнее и самое печальное - сановным и чиновничьим карьеризмом. Где начинается "лицо служилое" и где начинается "государственная служба" - это не всегда было ясно самим чиновникам, самим сановникам и окружающему люду. В силу этих сложившихся обстоятельств "русское правительство" настолько же сколачивало и единило Россию, насколько ее расхищало и растрепывало. Достаточно вспомнить министерство путей сообщения и эпоху железнодорожных концессий, достаточно вспомнить хроническое "соперничество ведомств", конкуренцию "нашивок на вицмундире", чтобы наполнить конкретным содержанием ту общую мысль, о которой я говорю. Правительство "было", и его "не было". Были "веяния" были "направления", были "течения". Программы же не было, - иначе как случайной и временной. И хуже опаснее всего было то, что власть была в сущности, "расхищена" и каждый ковал свое личное благополучие, ковал торопливо и спешно, из того кусочка "власти", который временно папал в его обладание. Катков жил вне Петербурга, не у "дел", вдали, в Москве. И он как бы поставил под московскую цензуру эту петербургскую власть, эти "петербургские должности", не исполняющие или худо исполняющие "свою должность". Критерием же и руководящим в критике принципом было то историческое дело, которое Москва сделала для России. Дело это - единство и величие России. Ну, - и самогласность Руси: без этого такие железные дела не делаются. Хозяин "крутенек", да зато - "порядок" есть". У "слабого" же, у "богомольного", у благодушного хозяина - "дела шатаются", и, наконец, все "разваливается", рушится, обращается в ничто.

Катков не мог бы вырасти и сложиться в Петербурге; Петербург разбил бы его на мелочи. Только в Москве, вдали от средоточия "текущих дел", - от судов и пересудов о мелочах этих дел, вблизи Кремля и московских соборов, могла отлиться эта монументальная фигура, цельная, единая, ни разу не пошатнувшаяся, никогда не задрожавшая. В Петербурге, и именно во "властных сферах", боялись Каткова. Чего боялись? Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, "своей корысти". И - того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова. На Страстном бульваре, в Москве, была установлена как бы "инспекция всероссийской службы", и этой инспекции все боялись, естественно, все ее смущались. И - ненавидели, клеветали на нее.

Между тем Катков был просто отставной профессор философии и журналист. Около него работали еще два профессора - Павел Иванович Леонтьев, классик-латинист, и профессор физики Н. Любимов. В кабинете этих трех лиц, соединенных полным единством, любовью, доверием и уважением друг к другу, задумывались "реформы" России, ограничивались другие реформы; задумывались вообще ну" и "тпру" России.

Все опиралось на "золотое перо" Каткова. В этом пере лежала сущность, "арка" движения. Без него - ничего. Без него все трое - просто отставные профессора. В чем же лежала сущность этого пера? Нельзя сказать, чтобы Катков был гениален, но перо его было воистину гениально. "Перо" Каткова было больше Каткова и умнее Каткова. Он мог в лучшую минуту сказать единственное слово, - слово, которое в напряжении, силе и красоте своей уже было фактом, то есть моментальной неодолимо родило из себя факты и вереницы фактов. Катков - иногда, изредка - говорил как бы "указами": его слово "указывало" и "приказывало". "Оставалось переписать... - и часто министры, подавленные словом его, "переписывали" его передовицы в министерских распоряжениях и т.д.

Что-то царственное; и Катков был истинный царь слова. Если бы в уровень с ним стоял ум его - он был бы великий человек. Но этого не было. Ум, зоркость, дальновидность Каткова - была гораздо слабее его слова. Он говорил громами довольно обыкновенные мысли. Сдова его хватало до Лондона, Берлина, Парижа, Нью-Йорка; мысли его хватало на Московский уезд, ну, на Петербург; да и в Петербурге,